

TALES FROM
THE ARCHIVE

ALTAR OF CYRENE

LUCIEN SOULBAN

A BLOOD RAVENS SHORT STORY

WARHAMMER

40,000

Алтарь Кирены

Столбы пыли вздымались над
поверхностью Кирены; небо не в силах
больше было проливать свои

слезы. Слой мелкого праха заполнил
стратосферу и теперь ронял вниз
бесчисленные хлопья

угрюшающего непла. Время от времени,
когда сброшенные с орбиты масс-
ускорительные снаряды

поднимали в воздух облака гари и
раскалывали землю, над поверхностью
проносились раскаты грома.

Снаряды были выполнены в виде
десятитонных металлических статуй,
изображающих Императора.

Каждая боеголовка отправляла в небеса
все больше пыли и порожденного пламенем
тепла. Каждая

боеголовка была восклицательным знаком
в литании против ереси и еще одним
ударом молота во имя

экстерминации и тотального
уничтожения каждого еще живого жителя

Кирены. Хаос создал себе
палацдарм, но он оказался похож
растоптан могуществом Империи, и
агония планеты теперь
использовалась как предостережение для
всех колеблющихся.

Черный флот Агентус Астартес завис
над Киреной, изливая вниз волю Ордо
Маллеус. Ни одно судно не
могло без разрешения миновать облака
праха, хотя бегущие корабли порою
пытались прорваться
сквозь пылевую завесу -- все они вскоре
падали обратно, сбитые плотным огнем
кораблей блокады.

Корпуса чернели, и языки пламени
прорывались сквозь швы внешней обшивки,
когда они валялись на
поверхность, добавляя еще больше
неразберихи к творящемуся там аду. Лишь
«Грозовые Ястребы» и
десантные корабли флота проходили
свободно, эвакуируя раненых и неся в бой
свежие войска.

Далеко под неподвижным флотом
медленно вращалась Кирена, один за
другим подставляя под

обстрел города на своей поверхности.

Гром все еще гремел вдаль, но земля
содрогалась неровным пульсом от удара
снарядов, выпущенных

флотом в лицо этого мира. Кирена
стенала под мстительной пятой Ордо
Маллеус. Если Габриэль

Анжелос, седовласый капитан Кровавых
Воронов, и ощутил приближение конца, то
он

проигнорировал это, будучи занят более
насущными делами. Под ударом его
бронированного ботинка

дверь развалилась на куски. Он мог бы
оставить ее в покое, пройдя сквозь
создающий пролом в стене

дома, но, этим утром он был не в
настроении. Капитан миновал дверь; его
доспех цвета крови с

позолоченным крылатым черепом на
нагруднике стал цвета сангины в свете

языков пламени вокруг.

Блеснули два вживленных в лоб серебряных штифта за выслугу лет.

-- Где же он?! -- в отчаянии взревел Габриэль.

Библиарий Усагор Акиос ничего не ответил. С ловкостью, противоречащей размерам громоздного

доспеха, он зашагал по обломкам. Черты его лица были столь же жесткими, как и у Габриэля, а тайные

свитки, свисавшие с наплечников, слегка развевались на ветру. Несмотря на возвышающийся над

шлемом психический капюшон, украшенный крылатым черепом, Усагор почему-то казался меньше

капитана Кровавых Воронов. Казалось, что непоколебимая уверенность Габриэля добавляет ему и без

уже того внушительного роста. Капитан знал, что Усагора не так-то легко испугать. Он был могучим

библиарием на службе Кровавых Воронов.

самым сильным из всех, кого знал Габриэль. Тем не менее, капитан все еще затмевал его.

-- Если его здесь не окажется, -- сказал Усагор, осторожно подбирая слова, -- могу я посоветовать

вернуться к нашей непосредственной задаче?

Габриэль промолчал. Он направился в глубину дома и уперся плечом в перегородивший дверь кусок

рухнувшей колонны. Сервоприводы экзоброни коротко заскулили, когда он одной рукой отбросил в

сторону тяжелый каменный обломок; затем капитан зашагал дальше в темноту. Габриэль знал, чего

ожидать, но должен был убедиться своими собственными глазами.

Ничего. Комната оказалась пуста.

-- Капитан? -- произнес Усагор.

Габриэль продолжал молчать. Он был не в настроении слушать.

-- Друг мой, -- наконец повторил попытку

библиарий. -- Я не чувствую здесь ничьих мыслей. Он сбежал.

-- Нет!

Габриэль развернулся, но самое запястье вбив кулак в стену.

-- Эстонг никогда не бежит, -- капитан вытащил руку из стены и отправился обратно мимо Усадора. --

Запомни мои слова.

-- Надеюсь, он достоин такой похвалы, -- ответил Габриэлю библиарий, вслед за ним выходя из здания.

Они остановились меж разрушенных строений, столбами дыма кровоточащих в ночное небо.

Неподалеку звуки болтерного и плазменного огня обрывали чьи-то крики, дальше, в центре

Бастиллиуса, грели взрывы, осыпая окружающие кварталы обломками.

Капитан, однако, мало что

слышал из этого. Этот ад был ему знаком, эта песнь войны была его обращением к Императору.

-- Габриэль, -- произнес Усагор. -- Посмотри
вокруг. Мы здесь, чтобы быть
свидетелями происходящего.

Мы последние, кто может видеть этот
мир живым. Мы должны вернуться к
Серым Рыцарям прежде,
чем твои поиски принесут вред Кровавым
Воронам.

Габриэль развернулся на каблуках и
подождал к Усагору, глядя ему прямо в глаза
и пронзая колючим
взглядом.

-- Ты хочешь сказать, что Кровавые
Вороны не встанут рядом со мной в этом
деле?

-- Мы встанем, -- сказал Усагор. -- В какое
бы место ты не отправился, мы последуем
за тобой.

-- Но?

-- Взглянем на все это беспристрастно.
Мы последуем за тобой, но все же не
стоит злоупотреблять

нашей верой в тебя. Что значит жизнь
одного человека в этом кошмаре? -- Усагор

развел руки, словно

охватывая разрушения вокруг.

– Ничего, – признал сквозь зубы Габриэль.

Усагор кивнул.

– Ничего.

Вокруг них были лишь руины, поняв

Габриэль, почерневшие остовы пустых

зданий, крики о помощи и

росчерки света, несущие смерть всему на

своем пути.

– Вернемся к «Лендспидеру», – сказал

капитан. – Проведем разведку для наших

братьев Серых

Рыцарей. Что до меня... что до меня, я

сделаю то, что должен, если встречу с

ним.

– Я... – начал Усагор, но Габриэль

остановил его, погрозив пальцем.

Наконец, библиарий кивнул.

– Хорошо, – сказал он со вздохом. – Я

помогу. Если только это защитит тебя

от самого себя.

Габриэль улыбнулся.

-- Я знал, что ты на что-то согласишься, брат.

Он подошел к «Лендспидеру», парящему в нескольких дюймах над землей посреди пустой улицы.

-- Капитан, -- остановил его Усагор.

Габриэль повернулся, увидев, как библиарий встатривается вглубь завесы из теней. В дымке

мелькнули танцующие огоньки, и землю сотряс сокрушительный спазм.

Но видимой части шлема библиария заструились сполохи энергии.

-- Там, -- прошептал Усагор, -- сражаются псайкеры.

Капитану был знаком тон, которым были сказаны эти слова. То был глас войны, исполненный

ожидания битвы. Коснувшись наушника вокса, Габриэль заново настроил его на прием утолкнувших

переговоров вокс-сети.

-- свитой... Лорд-инквизитор Ка... погиб... столкнове... упорное сопротивление псай...

Район

Грегориаск... -- прокричал чей-то голос, прежде чем наушник затонул вой помех.

Невзирая на тяжелую броню, оба десантника ловко запрыгнули на сидения спидера. Усагор включил

ускорение, заставив транспорт скользить наг заваленным обломками улицами.

-- Всем Кровавым Воронам в районе Грегориаска, -- передал Габриэль. -- Сбор в точке пеленга моих координат.

Они направлялись пряником в дымовую завесу впереди.

В клубящихся облаках пыли окружающие здания казались призраками; развернувшаяся впереди битва

проявлялась лишь кратковременными вспышками света и приглушенными криками. Усагор вел

спидер, обходя препятствия прежде, чем те появлялись из пыльной пелены в нескольких метрах

впереди. Обломки проносились мимо

Габриэля, но он не обращал на это внимания, сконцентрировавшись на том, что находилось дальше. Он наполовину привстал на сидении, свесив одну ногу вниз и приготовившись к прыжку.

Они миновали уничтоженный «Носорог», пластины брони которого разошлись в стороны, словно металлические лепестки какого-то цветка. Вспышки впереди снова привлекли внимание Габриэля.

Транспорт замедлился, и капитан выпрыгнул со своего места, на мгновение отправив себя в полет сквозь дымку. Он приземлился, без остановки пробежав несколько метров, и затем прыгнул вновь.

Впереди из дымки появился псайкер со скрытым капюшоном лицом. Символы скверны покрывали его одеяние, а тело испускало зловоние тьмы. Металлические трубки вились по задней

части черепа

псайкера, на лице застыл акулий оскал, а глаза светились парой пылающих адским огнем углей.

Энергия циркулировала вокруг него, словно саван, и псайкер швырнул ее сполох в темноту, пытаясь

попасть в Усадора. К тому времени, как он заметил атакующего Габриэля, было уже слишком поздно.

Капитан вжал дуло болт-пистолета в висок чудовища и выстрелил, сбив его с ног и швырнув на землю.

Габриэль даже не сбавил шаг.

На бегу он продолжал выискивать во тьме новые цели. Крики и выстрелы вперемешку с подвыванием

двигателя «Лендспидера» и характерным «вумн-вумн» его штатного тяжелого болтера разорвали ночь

позади. Из тумана выступил новый силуэт, на сей раз грузный и неповоротливый из-за протезов.

Существо развернулось, заметив

Габриэля. Капитан разглядел, что его руки были заменены
металлопружками и ценным клинком, верхняя часть тела была опутана
консервационными трубками и
закрита бронелистами. Один глаз
отсутствовал, замененным большим
имплантатом. Это был
инквизиторский оружейный сервитор,
отслеживающий движение с помощью
сервошестерен. Сервитор
накинул Габриэлю, открыв огонь в
темноту, выплескивая священный гнев на
какого-то невидимого
врага.

Габриэль широко развернулся на бегу,
следуя за направлением сверхнагретых
термальных разрядов, но при этом держа
удаленность, дабы высокая температура не
подожарила его самого. Что-то открыло
ответный огонь по сервитуру. Дылка
разошлась под воздействием
разрушительного воздействия
грубого психического удара. Заряд энергии

расколол и расплавил землю на своем
пути, поразив

сервитора в грудь. Он кричал, когда
раскаленное добела пирокинетическое
пламя пожирало

модернизированное тело. Габриэль
ускорился, зная, что будет следующим.
Огонь воспламенил

пирол-петроловые газы в топливопроводах
сервитора, и добрался до подкожных
резервуаров.

Последовавший взрыв разметал
сервитора, окрасив кровью все на
расстоянии в две дюжины метров.

Ударная волна подбросила капитана в
воздух. Он приземлился, упав, и вновь
поднялся на ноги, продолжая
высматривать своего врага, словно ничего
не случилось.

Псайкер выдал свою позицию, застывши
на участке сервитора. Габриэль сжал
зубы и ринулся на

звук. Он тчался в темноту,
неожиданность стала его лучшим

оружием. Дылка разошлась, явив мутанта с вывернутой на сто восемьдесят градусов шеей и вытянутым обратленным бородой лицом. Его

четыре глаза по очереди моргнули, и чудовище с ядовитой устешкой уставилось прямо на Габриэля.

Неожиданность оказалась не на стороне капитана.

Прежде, чем Габриэль смог вскинуть пистолет, псайкер выпустил новый разрушительный заряд

пси-энергии. Капитан кувыркнулся в сторону, счел избежать энергетического импульса, который мог

разорвать его на куски, но не волны сверхнагретого воздуха, несущейся следом.

Даже несмотря на

успехи, кожа на шее и волосистой части головы покрылась ожогами. Он открыл огонь с земли,

проделав внушительные дыры в груди и черепе своего противника. Монстр рухнул на землю.

Габриэль поднялся на одно колено, когда в поле зрения появился третий псайкер.

Электричество

потрескивало вокруг огромного тела, даже надетая ряса не могла скрыть под собой уродливую тушу. С

выработанной годами точностью капитан коснулся наушника вокса.

-- Умри, -- прошипело существо, вскидывая руку.

-- Только если Император прикажет мне, -- ответил Габриэль.

Прежде, чем псайкер успел отреагировать, из дымки появился «Лендспидер» Усагора. Летательный аппарат врезался в лицо мутанта фронтальной решеткой, снес ему голову.

Наушник Габриэля снова

заговорил, и из завесы дыма выступило отделение Серых Рыцарей. Их доспехи были цвета

полированного серебра и украшены сияющими темным золотом выгравированными рунами. Они

по-настоящему впечатляли, и любой человек пал бы перед ними на колени в знак почтения, но

Габриэля этим могучим служителям Ордо было не так легко испугать. Он кивнул Рыцарям, оставшись

стоять. Он приветствовал их как равных.

Апотекарий Серых Рыцарей обрызгал спреет ожоги на шее Габриэля. Раны кальцинировались,

затянувшись мертвой грубой кожей, пока аптекарий зачитывал литанию исцеления и удалял струны.

На лице капитана не дрогнул ни один мускул, пока умелые руки отрывали большие куски кожи. Его мысли были далеко.

— Мы засекли свободных псайкеров в этой области и были уже в пути, чтобы выжечь их огнем. Но, похоже, вы нас в этом обставили, — сказал аптекарий.

Краем глаза Габриэль увидел сержанта Каинэ из Кровавых Воронов, стоящего рядом с Усадором. Оба

жгали, пока апотекарий завершит свои ритуалы исцеления.

-- Мы закончили, добрый брат? -- спросил капитан Серого Рыцаря.

-- Почти, -- ответил тот, вонзив гиподермическую иглу в шею Габриэля.

Жгучая жидкость влилась в яремную вену капитана, уничтожая попавшие в кровеносную систему инфекционные агенты.

Габриэль потер шею и подошел к Каинэ и Усагору. Им пришлось дожидаться, пока апотекарий выйдет из зоны слышимости.

-- Мы не использовали каналы вокс-сети, как вы и велели, -- сказал Каинэ капитану.

-- Тебе удалось найти его? -- спросил Габриэль.

-- Нам удалось, брат-капитан. Брат Ульэрэй и его отделение держат Эстонга в бункере святого Беллстуса в Новом Карните.

-- Мы должны спешить, -- произнес Усагор.

-- Серые Рыцари прочесывают местность,

уничтожая все на

своем пути. Если они застукают брата
Ульрэя охраняющим безлеца... сам
понимаешь, что произойдет.

-- Хорошо, -- ответил Габриэль. -- Спасибо
за помощь, брат Каинэ. Возвращайся в
свою зону зачистки и

постарайся не вызвать подозрений у
Инквизиции. Выполняйте все их
требования. Если они спросят обо

мне, не скрывай правду о моих мотивах. Я
не хочу втягивать в это дело кого-то еще.

Коротко кивнув, брат Каинэ ушел, чтобы
присоединиться к своему отделению.

-- Нужно торопиться, -- повторил Усагор.

Вопросительно вскинув бровь, Габриэль
посмотрел на библиария.

-- Я удивлен, -- произнес он. -- Я думал, ты
считаешь мои действия ошибочными.
Зачем теперь

поощрять мое желание увидеться с
Эстонгом?

-- Затем, что если ты этого не сделаешь,
-- ответил Усагор, -- то будешь все время

сомневаться, верно ли

поступил. А если ты будешь сомневаться, то не сможешь сосредоточиться на своих обязанностях. Это

всегда плохо заканчивается.

-- Ты надеешься, что, сделав это, я смогу очистить свои мысли.

-- Я желаю тебе обрести ясность, Габриэль. Я знаю тебя. Ты силен, пока остаешься точным

инструментом воли Императора. В твоём сердце не должно оставаться места для чего-либо ещё.

-- Хорошо, -- ответил капитан, сделав паузу. -- Я мог бы велеть тебе остаться.

-- Мог бы, -- сказал Усагор, забираясь в «Лендспидер»; он занял место водителя и встопорился вдаль

вперед. -- Но зачем заставлять меня нарушать приказ?

Кривая улыбка тронула уголки губ Габриэля. Он сел на пассажирское сиденье и стал наблюдать за тем, как удаляется земля, пока «Лендспидер» уносился вверх.

Свежий ветер с Канарринских гор дул над
Бастиллиусом, унося прочь большую часть
витающего в

воздухе пепла, но ничего не в силах был
поделать с открывающимся за ним видом.
Город пылал; движимые своим вечным
голодом, повсюду распространились
пожары, вынудив «Лендспигер»

нырнуть под дыльный полог. Транспорт
скользил над разбитыми зданиями,
раскаленными от огня

колоннами и едва угадывающимися среди
руин разрушенными островами.

Габриэль со своего места изучал улицы
вниз, и апокалипсис родного мира
представал перед его

взором во всех своих адских подробностях.
По улице под ним протаршировало
несколько отделений

солдат из ударных отрядов Инквизиции,
облаченных в красные одежды и
защищенных

металлически-серой броней. Стреляя
через проломы и окна, они направили мощь

своих телтаганов на

стоящее неподалеку здание, заставив
укрывшихся там людей покинуть убежище,
и затем вырезали

всех обжигаящим залпом. Те, кто не смог
покинуть здание, погибли в огненном
инферно.

Немного дальше терминаторы Серых
Рыцарей, выступающие в качестве
артиллерийских

подразделений, расстреливали бегущую
толпу газовыми гранатами. Вдохнувшие
ядовитые пары люди

коротко вскрикивали, когда кислотные
облачка выжигали их легкие. В
конвульсиях они валялись на

землю, кожа людей вспучивалась, когда газ
начинал пожирать соединительную ткань,
прикрепляющую

к костям плоть и мускулы. Спустя
несколько минут агонии они утирали,
превратившись в скелеты, обтянутые
свисающей кожей.

Капитан ударил кулаком по двери

«Лендспидера», отчего транспорт покачнулся. На спине осталась заметная вмятина. Усагор никак не отреагировал, но Габриэль знал, что Библиарий скосил на него глаза.

-- Они заслужили такую судьбу, -- произнес Усагор.

-- Знаю, -- ответил сквозь зубы Габриэль, -- но это моя...

Он затолк, но Усагор понимал, что хотел сказать его старый друг.

-- Я помню эти улицы. Когда-то я жил здесь, -- сказал капитан.

Усагор поначалу не ответил; Габриэль знал, что он не в силах оценить всю тяжесть этого признания.

Библиарий вырос в монастыре, тренируясь контролировать свои силы, чтобы противостоять шепотам Варна. У него не было гота. Ничего такого, чью гибель он мог бы увидеть.

-- Кирена была твоим готом столетия назад, друг мой, -- сказал Усагор. -- Почти

все, кого ты знал, утерли. Их больше нет.

-- Но не их детей, и не названий, что я
полню, -- ответил Габриэль.

-- Ты сомневаешься в мудрости
происходящего? -- спросил библиарий,
наморщив брови.

-- Нет! -- выкрикнул капитан, разозленный
тем, что Усагор мог заподозрить его в
ненавистнейшем из

всех грехов: грехе сомнения. -- Это
справедливо! Даже если бы мне велели в
одиночку всагнуть по пуле

в каждого мужчину, женщину и ребенка
здесь, я бы сделал это. Планета
погрузилась в ересь, она

насквозь пропитана порчей варна!

-- Тогда почему ты так зол?

-- Потому, что они скатились к ереси.
Мои люди, Усагор, весь мой мир! Они
достаточно изуродован, чтобы
санкционировать истребление до
последней живой души. Они подвели
Императора, и ради

чего? Скажи мне. Ради чего они

пожертвовали спасением своих душ?

-- Не знаю, друг мой. И я рад этому.

-- Посмотри на Инквизицию внизу.

Посмотри на них, кудачущих о своем

долге. Это не спорт. Это

праведное и святое дело, но... -- обтянувшись,

произнес Габриэль, внезапно осознав, что

чувствует себя

уставшим.

-- Но что? -- спросил Усагор.

Габриэль посмотрел на библиария и не

увидел ни подозрительного взгляда, ни

чувства отвращения --

лишь заботу о друге.

-- Но, -- сказал капитан, -- действия

Инквизиции -- будто нашествие саранчи.

-- Такова их роль во всем этом. Их долг.

Их дело -- быть чужой, что очистит

планету от скверны.

-- Я не оспариваю их роли в плане

Императора. Не оспариваю даже

необходимость всего

происходящего. Этот зараженный мир

должен быть ампутирован, иначе ересь

охватит еще больше

планет. Я лишь обеспокоен тем, нет ли
здесь хоть кого-то, кто заслужил бы
быструю, спокойную

смерть. Не все здесь поражены порчей.
Ясно, что не все заслужили столь жуткую
участь, не все иена

должно вычеркнуть из истории. Не все
оказались столь слабы, чтобы пасть. Я
думаю, мы могли бы

позволить им сохранить достоинство в
последние часы.

-- Кто мы такие, чтобы дать им этот
шанс? -- спросил Усагор. -- Я предпочел бы
обречь на смерть

миллион невинных, чем позволить одному
ложному мученику во тьме ускользнуть
от нашего

внимания. Ложные святые подрывают,
нет, издеваются над святостью нашей
веры. Запомни, здесь нет

невинных. Так решила Инквизиция. Ересь
распространилась слишком широко, чтобы
кто-то мог не

заметить ее присутствия. Если они
знали о святотатстве, то повинны в
бездействии. Если они не

заметили столь очевидной порчи, то
должны заплатить за свою слепоту. Здесь
нет никакой невинности, Габриэль. Только
ересь, и долг, велящий уничтожить ее.

Усадор сделал паузу, очевидно, обдумывая
свои следующие слова.

-- Помнишь, что сказал святой
Галантейн?

Габриэль закрыл глаза, вспоминая строфы.

-- Пусть каждая жертва будет уроком для
других. Я жертвую своими глазами, чтобы
другие могли

видеть. Я жертвую своим языком, дабы вы
не колебались, услышав сладкие речи. -- Он
открыл глаза, увидев, как Усадор
добродетельно кивает. -- Ты имеешь в виду,
что Кирену не следует рассматривать в
контексте ее собственного несчастья?

-- Этот урок предназначен не для Кирены.
Этот урок для других: невежество не
синоним невинности.

Впередъ жители Имперіума будутъ болѣе
бдительны по отношенію къ служителямъ
губительныхъ силъ,

дабы ихъ собственные тиры не разделили
подобную участь.

Габриэль снова взглянулъ внизъ и увидѣлъ
множество парящихъ вокругъ сербочереповъ,
наблюдающихъ за

событіями и записывающихъ все
происходящее для потомковъ. Странно, что
онъ совершенно не замечалъ
ихъ прежде.

-- Какое позерство, -- сказалъ онъ самъ себѣ.

-- Но это необходимо. Иначе, зачѣмъ намъ
было ввязываться во все это?

В этотъ моментъ Габриэль увидѣлъ внизу
какую-то вспышку и затѣмъ изогнутый
дымный слѣдъ.

-- Ракета! -- прокричалъ онъ, но было уже
слишкомъ поздно.

Ракета огненнымъ шаромъ разломала
правое стабилизационное крыло
«Лендспидера», отправивъ

транспортъ къ стенающей землѣ.

Вцепившись в гвернүю ратү, Габриэль
забормотал литанию безопасной
посадки, пока Усагор боролся за контроль
над спидером; в последний момент ему
удалось выйти из

пике, и транспорт заскользил на днище по
разоренной үлице, ломая пласкрит.

«Ленгспидер» затеделлся, оба крыла
превратились в обломки, из разорванных
швов обшивки свисали

искрящие кабели. Габриэль и Усагор
выпрыгнули из транспорта,
взволнованными, но целыми и

невредимыми. Библиарий пробормотал
благодарность дүхү машины «Ленгспидера»
за спасение.

Капитан встатривался в пылающие
остовы окрүжающих зданий, ища признаки
нападавших.

Ждать пришлось недолго.

Из рүин появилась небольшая группа
людей, возможно десять или пятнадцать,
чьи лица были сүровы, а взгляды остры,
словно ножи. Некоторые были из полков

киренской Имперской Гвардии; другие
несли

оружие, снятое с убитых инквизиторов и
солдат ударных отрядов. Не было видно
никаких признаков

скверны Хаоса. Усагор шагнул вперед,
готовый атаковать собравшийся сброд, но
Габриэль откашлялся, останавливая его.
Библиарий взглянул на капитана. Его
глаза выдавали замешательство.

Затем он понял.

Множество вооруженных Император
знает чем людей пряталось в окружающих
зданиях. Усагор

расслабился, хотя капитан знал, что он
готов высвободить грозную мощь своих
псайкерских

способностей по первому его слову.

Габриэль изучал медленно и осторожно
приближающихся с оружием наизготовку
людей. Капитан

видел, что многие даже не понимают
природы своего оружия. Никто не знал, как
успокоить дух

машины или произнести литании
приоткрытия магазина и нажатия на
спусковой крючок. Эти люди

были злы, напуганы и жаждали крови.

Габриэль решил дожидаться, пока люди
выйдут из теней, чтобы оценить их
истинное количество.

-- Если вы думали напугать нас этим
жалким сборищем, советую вернуться,
когда вас будет больше, --

сказал капитан, поворачиваясь, чтобы
уйти прочь.

Вокруг десантников все больше
сжимающих обрезки труб и другое
импровизированное оружие людей

появлялись из тени, отрезая путь.

Дюжина стала толпой из двух сотен, и

Габриэль и Усадор оказались в

окружении.

-- Я предлагаю вам быструю и
безболезненную смерть, хоть это и больше,
чем вы заслуживаете, --

произнес капитан.

-- Заслуживает? -- спросила женщина, чей

голос походил на орлиный крик, а тело
было покрыто

глубокими ранами и слоем пыли. -- Мы не
заслужили подобного.

-- Тогда чего вы заслужили? -- спросил в
ответ Усагор. -- Благодарности за то,
что позволили ереси

разгореться под самым своим носом?

-- Мы не еретики! -- выкрикнул старый
гвардеец, вскидывая аттирированную в
локте руку. -- Я потерял

руку, служа Императору!

-- И все же, теперь ты осквернил значение
этой чести, -- сказал Габриэль. -- Как жаль,
что ты не смог

послужить Императору здесь, когда это
было по-настоящему важно. Лучше нам
избавить Его от такой

пустой преданности.

Старик зло сплюнул и поднял лезвие,
намереваясь открыть стрельбу. Габриэль
оказался быстрее и

выстрелил первым. Голова гвардейца
взорвалась, затравив стоящих поблизости.

Солна разразилась

криками, некоторые побежали, остальные
ринутись вперед, намереваясь разорвать
десантников

голыми руками.

Исагор вступил в бой, его доспех окутался
электрическими разрядами, когда
библиарий взмахнул

прикрепленным к броне кабелями
психосиловым топором, рассекая сразу двух
или трех человек.

Габриэль более не пытался сдержать свой
гнев. Его самообладание рассыпалось как
карточный домик, давая трещины с
каждым всплеском жестокости,
направленной на своих сограждан. Он
яростно

ринутся вперед, поле зрения сузилось до
узких точек в толпе. Он
неистовствовал посреди моря

бросающихся вперед тел, пытающихся
разорвать его на куски.

-- Как вы могли допустить это?! --
прокричал он, сокрушая троих людей

ударом руки в латной перчатке.

-- Как вы могли позволить этому случиться?! Вы дали ереси угнездиться в собственной тени! Неважно, по незнанию или из лени, но вы сами сделали это с собой!

Толпа взревела в гнев, и на десантников обрушилась новая волна тел. Габриэль уже не мог видеть

Усадора.

-- Как вы постели сотворить такое с моим дотом? -- оглушительно прокричал капитан, повергая сразу

двух или трех атакующих каждым выстрелом из болт-пистолета.

-- Все, что я знаю, -- продолжил Габриэль, бросая какого-то человека в нескольких других, -- что

монумент святому Гарраину, бахселланские фестивали,

Веснорожденные озера, зимние огни юга, все

потеряно благодаря вам!

-- Как вы можете так поступать с нами? --

выкрикнул кто-то. -- Как вы можете
убивать своих собственных
людей?

-- Бүдьте вы прокляты! -- взревел
Габриэль. -- Бүдьте прокляты за то, что
навлекли на себя кару, бүдьте

прокляты за то, что заставили меня
стать вашим палачом! Кто, по-вашему,
узнал об этом позоре? Кто

призвал сюда Унквизицию?

-- Ты предал нас, -- сказал кто-то, прежде
чем капитан отшвырнул его ударом ноги.

-- Я вас не предавал, -- выкрикнул Габриэль,
не пытаясь сдержатъ негодование. -- Я
лишь поднял камень

и увидел за ним червей! Вы сами себя
предали!

Еще больше тел навалилось на
десантника, но ничто не могло сдержатъ
его ярости. Он убивал всех, кто

оказывался поблизости, обрывая жизни
жестоким тилосердием ударов и
выстрелов.

Двое десантников молча продвигались к

самому сердцу Бастиллиуса, где дома
лежали грудями

пылающих обломков, а вороны пели
серенады трунам. Шаги Габриэля были
тихи, а мысли темны,

словно окружающая его ночь. Усагор
хранил молчание. Габриэль видел, как он
оживился после бойни, возможность
искоренить ересь стала весомым
подтверждением его собственной веры в
Императора.

Но библиарий также был достаточно
туп, чтобы не озвучивать подобные
мысли. Для Габриэля это

была не победа. Это был тяжелый долг, и
Усагор знал Габриэля достаточно долго,
чтобы заметить
разницу.

Они продолжали свой поход через город, и
Габриэль был преисполнен решимости
достичь бункера

святого Беллстуса в Новом Карните. Оба
были пропитаны смертью, каждая их
жертва оставляла

частичку себя на броне. И они шли потому, что Габриэль отказывался связаться с кем-либо по воксу, не желая втягивать еще больше своих людей в личные поиски или выдавать их местоположение.

Габриэль и Усагор стояли на вершине холма, когда-то увенчанного монолитными зданиями. Теперь от них остались только разделенные улицами руины. Гигантские бульдозеры сгребли обломки в грубое подобие укреплений, которые теперь окружали расположившийся у подножья холма, Лагерь Распчатых.

Габриэль и Усагор уставились вниз, их разумы были не готовы к открывшемуся перед ними виду.

Лагерь Распчатых простирался во тьму на мили. Десятки тысяч жителей Кирены были распчаты на крестах, их безжизненные -- или почти безжизненные -- тела свисали с перекладин, утирая от

тегленного удушья. Никто из них не мог кричать, и стаи воронов делали это за них. В хаотичном

лабиринте повешенных тел лениво летали сервочерена, снятая происходящее как предупреждение

тем, кому еще только предстояло столкнуться с ересью.

Габриэль с Усагором не произнесли ни слова. Их удивление проглянуло всего миг, достаточно

глинный, чтобы осознать, что они еще не сталкивались с подобным ужасом. Но этот миг прошел, и

пришло время идти дальше.

Их путь вел через руины, сквозь проломы в высоких завалах обломков, мимо обнаженных, пронзенных

ног распятых и сквозь лес крестов. Они шли около часа; некоторые жертвы еще шевелились, но

большую часть шума издавали трупные мухи, откладывающие свои яйца в мертвых, и вороны,

наслаждающиеся этим неожиданным миром.

Звук выстрела из лазгана остановил пару. Габриэль и Усагор затерли, задержав дыхание, чтобы лучше слышать. Секунду спустя прозвучал еще один приглушенный выстрел.

Они двинулись в направлении звука, внимательно оглядывая окрестности. Третий выстрел, наконец, вывел их на черноволосого солдата Имперской Гвардии. Он был молод и без следов шрамов или кибернетических улучшений, новичок в Силах Оборона Кирены, а теперь и один из обреченных. Он

выглядел сломленным, одежда порвана и покрыта пылью, рука на перевязи после какого-то ранения

привлекала трупных мух, а лазган бессильно болтался на боку. Он шел среди крестов, ища еще живых и

бросая вызов инквизиции, которая оставила это мертвое место ради новых «полей смерти». Когда он

находил того, кто еще дышал и истекал кровью, он стрелял им в лоб. Он не заметил костомаров, пройдя мимо.

Глаза Усадора сузились, он сделал шаг вперед, намереваясь остановить гвардейца. Габриэль положил

руку на плечо библиария.

-- Он не имеет права прерывать их страдания, -- возразил Усадор, но Габриэль покачал головой.

Он достал свой болт-пистолет. В магазине осталось всего два болта. Сражение с толпой исчерпало боезапас.

Габриэль извлек один болт на закованную в латную перчатку ладонь -- он мог пригодиться ему позже --

и направил пистолет на солдата.

Он выстрелил.

Выстрел разорвал тишину, солдат вскрикнул и бросился бежать, быстро исчезнув во тьме. Усадор

установился на Габриэля, не отстегиваясь, и прозвучал свой немой вопрос. Капитан

ничего не ответил и

продолжил идти. Он позволил вопросу повиснуть в воздухе, но Усагор как никто другой знал: Габриэль

редко промахивался.

Приближался рассвет, но небо оставалось темным, скрытое облаками сажи и пепла. Город был тих в

эти ранние часы, гигантский конвой Инквизиции в спешке маршировал на запад, оставляя город

готовиться к свиданию с орбитальными масс-ускорительными снарядами. Осталось меньше получаса.

Габриэль и Усагор достигли храма святого Беллстуса: старый бункер теперь был открыт небесам.

Снаружи он казался монолитным — приземистое прямоугольное здание, когда-то скрывавшееся

глубоко под землей. Во времена вторжения орков, которое пронеслось по системе десятилетия назад, в бункере произошла чудовищная резня, орки

прорвали оборону и убили тысячи
скрывавшихся внутри.

Когда Империят вернул мир, бункер
откопали и превратили в храм.

Напротив единственного зияющего входа
светловолосый брат Ульрэй и другой
Кровавый Ворон, Акиос, ожидали рядом с
«Лендспидером». Оба выглядели
встревоженными. Когда Габриэль
приблизился, Ульрэй быстро снял шлем и
подбежал к капитану.

-- Эстонг у вас? -- спросил Габриэль.

-- Да. Мы схватили его при попытке
сбежать из города.

Габриэль стиснул зубы, но больше никак не
прореагировал на новость. Акиос смотрел
в сторону: Габриэль знал, что ему обычно
нравилось быть правым, но не в данном
случае. Он не хотел оказаться

прав за счет Габриэля, и это беспокоило
капитана еще сильнее.

-- Капитан, -- произнес Ульрэй. --
Инквизиция приказала нам эвакуироваться
в город Сестра. Скоро

начнется орбитальная бомбардировка. Я приказал своему отряду выдвигаться, но...

-- Ты все сделал правильно. -- Взгляд Габриэля был прикован к входу в бункер. --
Дай мне десять минут, затем вышли за нами «Громовай Ястреб».

-- Как пожелаете, капитан, но поторопитесь. Он во внутреннем святилище. Мы заблокировали двери.

Да пребудет с вами Император.

Ульрэй бросился к «Лендспигеру», второй Кровавый Ворон уже призывал дух машины, готовясь к

полету. Они быстро исчезли вдаль.

-- Дальше ты не пойдешь, -- сказал Габриэль Усагору.

-- Хорошо, старый друг, -- ответил Усагор.

-- Но ты знаешь, чью волю должен исполнить тут.

-- Есть только один Бог, и это мой Император, Усагор. Я -- Его оружие, всегда и во всем.

-- Я не сомневаюсь в твоей вере, Габриэль, -- произнес Усагор. -- На самом деле я

восхищаюсь твоей

уверенностью и завидую источнику, из которого ты черпаешь силы. Просто помни, что твои действия

верны, даже если ты сам в этом сомневаешься.

-- Я знаю, что мои действия верны, старый друг, -- ответил Габриэль, направляясь к двери. -- Как и

всегда, истина подтверждает себя через боль.

Никого не осталось, чтобы почтить мертвых, осознал Габриэль, идя по передней. Храм служил

учебной комнатой для черепов всех убитых в бункере святого Беллстуса во время вторжения орков. Теперь

черепки лежали в забранных решетчатыми нишах вдоль стен. Каждый был с толстыми краями раскрашен в

красные и синие цвета, украшен покрытыми рунами знаменами и восковыми печатями. Через

несколько часов все они будут погребены

пог рүинами, никто не вспомнит их имен
и не прославит их
жизни. Через несколько часов к дүшам
тысяч погребенных здесь присоединятся
миллионы новых. Их
голоса затеряются в хоре еретиков.
Габриэль достиг внутреннего святилища
и обнаружил двойные двери скованными
цепью. Оказалось
несложно вышибить их тяжелым
ботинком, разметаив по полу обломки.
Внутри освещенного свечами
святилища находились собранные из
черепов безымянных покойников колонны,
алтарь для прихожан
и четыре ряда скамей. Перед алтарем
толился старик. Его глаза были молочно-
белыми, лысая голова
покрыта старческими пятнами, лицо
полускрыто щетиной и грязью, а тело
оплетено сетью из трубок и
фильтров, ныхтя впрыскивающих
отлаживающие жидкости в его организм.
Старик заметил Габриэля

и выпрямился: вызывающий жест, выглядевший словно опровержение его почтенного возраста.

-- Ты пришел убить меня? -- спросил Эстонг скрипучим голосом.

-- Не знаю, отец. Не знаю, -- ответил Габриэль.

-- Внимание! Всем подразделениям зачистки Бастиллиуса. Это последний призыв к эвакуации всех

служителей Инквизиции, Серых Рыцарей, штурмовиков и Кровавых Воронов. Перезгруппируйтесь в

точке сбора в десяти милях к востоку от Сестры. Ожидается сильное сопротивление со стороны

действующего XIV гвардейского легиона Кирены. Орбитальная бомбардировка начнется через десять

мин...

Габриэль дотронулся до наушника вокса за ухом, приглушая шум. Он рассматривал своего отца,

который отвечал на взгляд с такой же

ненавистью. Глаза старика блеснули в свете свечей.

-- Куда ты пытался сбежать? -- Спокойно спросил Габриэль. -- Ты должен был знать, что уйти больше некуда.

-- Я не улру в страхе, как животное, -- выплюнул он.

-- Нет, вместо этого ты заставил меня охотиться на себя, как на животное.

-- Прости, но я не стану извиняться.

-- Это не имеет значения, -- сказал Габриэль, взмахнув рукой. -- Я бы не принял твои извинения.

Простить значит получить еще один нож в спину.

-- Да. Представь мое изумление, когда нож, который я обнаружил в своей спине, оказался от моего собственного сына.

-- Я поклялся защищать Имперу́т от любой угрозы.

-- Я не еретик, -- произнес Эстонг с механическим свистом в голосе.

-- Но ты трус.

-- Лучше быть трусом, чем мясником!

Вспышка Эстонга вызвала у него приступ кашля. Он сплюнул черную жидкость.

Несомненно, одна из

его отолаживающих полн протекала.

-- Это ничего для меня не значит. Мясник.

Душегуб. Убийца. Меня называли так сегодня, вчера и

неделю назад. И на следующей неделе я тоже это услышу.

-- Ты... должно быть очень... гордишься, -- процедил Эстонг между приступами кашля.

-- Горжусь? Да, ведь так я могу сражаться за Императора против любого противника. Но на этот раз

противник включает жителей моего собственного мира, мою семью. С этим непросто справиться.

-- Габриэль, ты предал нас. Ради уничтожения горстки еретиков, ты обрек всю свою планету. Свой дом, свою родную кровь!

-- Ух не горстка, отец. Ты считаешь меня настолько безжалостным? Порча разрослась, разрослась

настолько, что ослепила вас всех.

-- Мы не были слепы, -- ответил Эстонг, -- и это не была ересь. Мы устали жить под властью

Императора. Это было восстание против идеалов, а не религии.

-- Так ты знал? -- спросил Габриэль, его худшие опасения подтвердились.

-- Я знал. И я приветствовал это. Наши идеалы были верны.

-- Нет никаких идеалов, кроме идеалов Императора!

-- Избавь меня от пустых мантр. Я учил тебя мыслить самостоятельно.

-- Я так и делаю. С ужасающей отчетливостью, но я так и делаю. Надеюсь, ты понимаешь, что твои так

называемые идеалы были лазейкой, через которую просочился Хаос. Люди сражаются с еретиками, наводнившими каналлизацию Андергаута. Все псайкеры

Гимназиста следопытов оказались
обращены, равно как и высокие чины
Имперской Гвардии.

-- Они заставят тебя поверить во что
угодно. Они лгут тебе.

-- Нет, это ты лжешь. Прихвостни Хаоса
увели тебя с пути истинного, и ты пошел
с ними в блаженном

неведении. Ересь есть ересь, и она широко
распространилась. Даже сейчас
инквизиция допрашивает

всех покинувших планету гвардейцев, и я
сомневаюсь, что кто-то из них переживет
пытки или уйдет

безнаказанным!

-- Кроме тебя.

-- Что?

-- Ты уйдешь безнаказанным, -- произнес
Эстонг, набравшись сил для еще одного
язвительного

выпада. -- Тебе нужно было это
истребление, благодаря ему ты стал выше
упреков и обвинений в

случившемся. Последний невинный сын

Кирены, однако...

-- Однако что? -- спросил Габриэль, пытаясь сдержать гнев.

-- Однако ты тоже не видел порчи, пока не стало слишком поздно. Разве это не делает тебя настолько

же виновным в собственной слепоте? Разве ты не совершил так называемый грех?

-- Что это? Какая-то жалкая попытка заронить в мой разум зерно сомнения? Вины? Теперь ты даже говоришь как еретик.

-- О, так ведь намного проще, не так ли? Куда проще убить еретика, чем собственного невинного отца.

Хорошо, тогда убей меня. Делай то, зачем пришел. Но имей мужество взглянуть мне в глаза и признать мою невиновность.

Габриэль какой-то миг изучал отца, стараясь найти подвох. Он ничего не заметил, но почувствовал дрожь под ногами. Она не прекращалась. На

востоке началась бомбардировка, и она быстро приближалась.

-- Я не стану этого делать, -- ответил Габриэль.

-- Так кто из нас трус? Ты хочешь убить меня? Возьми свой болт-пистолет, наведи на меня, скажи «отец, ты ни в чем не виноват» и спусти курок.

-- Нет, -- произнес Габриэль без намека на эмоции, -- я пришел сюда не чтобы убивать тебя, а чтобы ты

сам мог оборвать собственную жизнь.

Габриэль положил на алтарь болт-пистолет.

-- Восстанови свою честь. Сделай, что должно, и позволь мне заполнить тебя героем, а не трусом. В

магазине лишь один болт -- для тебя.

Габриэль смотрел на отца, пока вокруг них кружила осыпающаяся с потолка пыль, потревоженная

усиливающимися толчками. Эстонг взглянул на болт-пистолет и поднял его, хотя вес и размеры

оружия были слишком велики для его
слабых рук.

Старик покачал головой.

-- Ты лжешь, -- произнес он, опустив
пистолет, -- тот, кого я вырастил,
никогда не оставит заряженным

оружие, из которого может быть убит. У
если бы ты даже был настолько глуп, я все
равно не обращаю

его против себя. Пусть лучше кровь будет
на твоих руках, чтобы ты никогда не смог
ее смыть.

Габриэль забрал пистолет с алтаря и
извлек обойму.

-- Прячешься за приближающейся
бомбардировкой? -- произнес Эстонг. --

Просишь меня покончить с
собой, чтобы избавить тебя от боли? Кто
же теперь трус?

-- Ты прав, я не настолько глуп, чтобы
остаться беззащитным. -- Габриэль извлек
спрятанный в подсутке

на поясе патрон и вставил его в обойму с
короткой молитвой. -- Но я не трус. Я убью

тебя.

Он направил болт-пистолет на Эстонга.

-- Я лишь надеялся, что ты проявишь себя как тот храбрый человек, которого я помнил.

-- Надеюсь, ты лишишься всего и вся, что тебе дорого, -- ответил Эстонг. -- Я проклиная день, когда

мать исторгла тебя из дыры между ног!

-- Но крайней мере, у нее хватило мужества направить на себя пистолет, -- произнес Габриэль, спуская курок.

Белые и голубые цвета Кирены исчезли, поглощенные угдушливой смертью. Все что от них осталось, это

завеса из черных туч и периодическое асское свечение магмы в местах, где орбитальная

бомбардировка пробила кору.

Кирена была мертва. Тем не менее, это не никак не отразилось на плотности огня продолжавшего

утюжить планету из всех орудий флота.

Если Габриэль и видел свой нылающий мир сквозь окно в заалтарной арке правого борта, то не подал

виду. Вместо этого, он продолжал стоять на коленях перед бесстрастным гробовщиком Кваноксом, Серым Рыцарем, по сравнению с которым сам капитан казался незначительным. Кванокс выглядел

внушительно в своей серебристой броне с выходящими вокруг обеих рук глиняными полосами

пергамента. Перед собой, текстом вперед, он держал особое постановление, в то время как

облаченная в ряску с проглядывающими из под нее змеяющимися трубками женщина-церофант читала

вслух:

-- ...властью данной нам Золотым Троном Терры, да станет известно, что капитан Габриэль Анжелос

действовал со всей необходимой верностью, запросив уничтожение Кирены

и, таким образом,

признается невиновным в запятнавшей планету ереси.

Габриэль принял постановление.

— Ты поступил верно, последний сын Кирены, — произнес Кванокс. — Встань же и присоединись к своим братьям как равный.

Комната взорвалась одобрительными возгласами, Кровавые Вороны обступили капитана, поднимая

его с колен. Кванокс еще раз кивнул и покинул комнату в сопровождении иерофанта, оставив Воронов праздновать.

Габриэль сохранял мрачное выражение лица даже после того как были провозглашены тосты за его

невиновность и Кровавые Вороны разбились на небольшие группы, обсуждая свои недавние подвиги

на теперь уже мертвом мире. Только Усадор остался рядом с капитаном.

— Осторожнее, — тихо произнес Усадор.

кивком указав на постановление.

Габриэль внезапно осознал, что сжал его так сильно, что смял пергамент. Он ослабил хватку, но

выражение лица не изменилось.

-- Я подумал, ты должен знать, -- произнес Усагор. -- Мы покидаем орбиту завтра, духи машин уже готовы.

-- Я думал мы останемся здесь на неделю, -- возразил Габриэль, моментально забыв о грусти.

-- Флот останется, но мы отправимся сопровождать боевую группу «Агский Дозор». Флот орков вошел в

систему Тартарус и Империя отправляет нас разобратся с вторжением.

-- Тартарус? Почему это название кажется мне знакомым? -- спросил Габриэль.

-- Это мир паломников с очень важными святынями. Он лежит вблизи Ока Ужаса и

пережил несколько

черных крестовых походов.

Габриэль устехнулся:

-- Теперь вспомнил. Хорошие библиотеки?

-- Так считают, -- произнес Усагор с
ухмылкой. -- Там есть несколько томов, в
которых остро нуждается

библиотека ордена.

-- Отлично. Ты сможешь найти все, что
нужно после того, как мы разберемся с
оркати. После последних

двух недель, -- произнес Габриэль, не
отрывая взгляда от Кирены, -- участие в
небольшой войне будет

приятной переменой.

Как и в прошлый раз, перевод совместный
первая половина Полковника, вторая моя,
так что если

надумаете плюсовать, не забывайте что
нас много

.
P.S. Продолжение истории уже
переведено, так что если пропустили и

есть желание ознакомиться, оно

тут: Испытания Исадора

...